

Методологические и культурно-исторические аспекты и информационной социализации

Обсуждаются методологические проблемы информационной социализации, дается характеристика современной познавательной и социокультурной ситуации, предлагается обзор основных концепций информационного общества. Показывается, что изучение информационной социализации требует междисциплинарного подхода и разработки сетевой методологии, выделяется сеть основных эпистемологических категорий – культура, глобализация, индивидуализация.

Отечественная интеллектуальная традиция в психологии изначально рассматривала феномены социализации в контексте социальных культурных изменений. Это нашло отражение в концепции исторического анализа личности К. Д. Кавелина, в историко-генетическом подходе А. А. Потебни, в разработке Г. Г. Шпетом «психологии социального бытия», в анализе Л. С. Выготского «социальной ситуации развития» и феноменов «культурного поведения».

Уже в первой половине XX века логика развития психологической науки потребовала большего внимания к категории «культура» и сближения психологии с рядом смежных наук, таких как история, этнография, этнология, литературоведение, антропология [6], а на рубеже XX–XXI веков в научных дискуссиях важной темой стала методология междисциплинарных исследований. Междисциплинарная методология позволяет изучать человека в разнообразии социокультурных и культурно-психологических контекстов, осуществлять синтез различных планов анализа – исторического, психологического, антропологического, социально-психологического, социологического, литературоведческого и т. п., а также менять методологическую оптику – с «микроскопа» на «телескоп» [9]. Более того, эта методология отвечает «текучей современности» (З. Бауман) и изменениям в познавательной ситуации, известным как смена исследовательских парадигм [2].

Особенностью же современной социокультурной ситуации является возрастающая сложность и непредсказуемость поведения

человека в разнообразии неопределенных и неустойчивых жизненных миров. Согласно представлениям английского психолога и автора теории социальной идентичности Г. Тэджфела, современное общество нестабильно, подвержено стремительным социальным изменениям, и, чтобы выстроить адекватное поведение, человеку необходимо правильно интерпретировать как ближайшие социальные ситуации, так и глобальные перспективы развития. Необходимым личностным конструктом при таких условиях становится так называемая *когнитивная сложность* (Дж. Келли), соответствующая и информационной сложности современной культуры.

В современной познавательной и социокультурной ситуации исследователю для достижения успеха важно не просто быть специалистом, но ориентироваться в основных тенденциях развития смежных наук. Изучение же феномена информационной социализации в современной культуре требует особого рода методологического подхода. С одной стороны, для получения многомерной (стереоскопичной) картины исследуемой реальности необходимо междисциплинарное сотрудничество ряда дисциплин, таких как философия, антропология, история, психология, физиология, социология, литературоведение, культурология, этнография, искусствоведение и т. д. С другой стороны, неизбежно сочетание самых разных подходов в пределах одной дисциплины (например, экспериментальных и культурно-исторических). Перед исследователями информационной социализации встают две важные задачи – культурно-психологического анализа информационной среды как пространства становления и развития

идентичности и анализа *индивидуально-го стиля информационной социализации* в постиндустриальной культуре. Данная статья предлагает зарисовку основных проблем, с которыми сталкивается исследователь при изучении такой сложной темы, как информационная социализация.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Социализация, как известно, представляет собой процесс активного освоения индивидуумом социокультурной и культурно-исторической среды. Обратим внимание на смысловые различия между используемыми терминами: понятие *социокультурная среда* расставляет акценты на универсальных и нормативных аспектах процесса социализации, тогда как понятие *культурно-исторического контекста* подчеркивает локальность, вариативность и этническое своеобразие в освоении того или иного типа культуры. Таким образом, и социализация, и индивидуализация, и становление идентичности в психологической науке не могут рассматриваться в качестве абстрактных процессов, поскольку всегда совершаются в том или ином контексте. В связи с этим понятие *информационной социализации* требует уточнения. Информационная социализация может быть рассмотрена в широком и узком смысле слова, что позволяет выделить в этом феномене следующие аспекты: 1) социокультурным и культурно-историческим контекстом информационной социализации выступает постиндустриальная (информационная) культура; 2) информационная социализация связана с освоением адекватных информационной эпохе культурных средств, позволяющих личности справляться с обрушивающимися на нее потоками разнообразной, многомерной и зачастую фрагментированной информации; 3) в узком смысле слова информационная социализация сводится преимущественно к ее технологической стороне, к освоению современных информационных технологий (в том числе Интернета).

В научной литературе, поднимающей тему информационной социализации, представлены разные планы анализа, что в целом создает познавательную ситуацию, отличающуюся многомерностью или повышенной «когнитивной сложностью» [12]. Для характеристики общего социо-

культурного контекста авторы используют с разными вариациями две категории: *информационное общество* и *постиндустриальная культура*. Философские и социологические концепции различаются в основном трактовкой названных категорий: в одних случаях информационная культура рассматривается как характеристика постиндустриальной культуры, в других – как отдельный этап в ее развитии. Во всеобъемлющем виде теория постиндустриального общества была сформулирована Д. Беллом [3]. Согласно его представлениям, информационное общество есть естественный результат развития постиндустриальной культуры, где компьютер и другие информационные технологии (сотовые сети и т. п.) становятся ведущими культурными средствами социализации и развития идентичности. Д. Белл остается и общепризнанным разработчиком концепции информационного общества, отводящей знанию в социальной эволюции ключевую роль. В отличие от ряда других авторов он четко различает постиндустриальную и информационную культуры. Именно особый статус научного знания в постиндустриальном обществе позволяет последнему эволюционировать в информационное общество. Д. Белл также отмечает приоритет теоретического и методологического знания над знанием прикладным и эмпирическим и рассматривает фигуру ученого в обществе в качестве нового культурного героя. Суть постиндустриального общества, согласно Д. Беллу, заключается в том, что ведущим фактором социокультурного развития здесь выступает не промышленность (как в индустриальной культуре), а наука. Потенциал дальнейшего развития такого общества определяется степенью освоенности им информационных ресурсов. Свой анализ Д. Белл рассматривал как *теорию социальных изменений*, ключевыми характеристиками которой выступили «конец идеологии», «культурная толерантность» и «идеологическая терпимость» [17]. Модель Д. Белла интересна еще и тем, что построена в логике линейной эволюции, где один тип общества сменяет другой. Постиндустриальное общество вырастает не из кризиса индустриального, а из маргинальных, побочных движений культуры. «Если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной.

об авторе

М. С. Гусельцева, доцент Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, кандидат психологических наук

И если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального. Вследствие этого социальные организации постиндустриального и индустриального секторов сильно различаются» [3; CLI].

Д. Белл ввел также понятие «концептуальной призмы»¹, показав, что «марксистская концепция способствует пониманию природы капиталистического общества, но неприменима к прежним историческим общественным формациям и вряд ли пригодна для анализа грядущих постиндустриальных процессов» [3; ХСVII]. Он отмечал возрастание в истории культурного фактора: в постиндустриальном обществе культура начинает доминировать над экономикой и все более значимую роль играет понятие качества жизни: «требования лучшей жизни... концентрируются вокруг двух сфер, являющихся фундаментальными... – здоровья и образования» [3; с. 171–172]. Однако такой анализ имеет и важные методологические последствия: возрастание культурного влияния влечет за собой все большее разнообразие и непредсказуемость общественной жизни, а следовательно, требуется разработка новых исследовательских методов. Когда массовое, экстравертированное и прогнозируемое поведение человека индустриального общества сменяется поведением индивидуальным, интровертированным и спонтанным, это побуждает к обновлению подходов в психологической науке. В постиндустриальном обществе поведение людей становится все более сложным, динамичным и непредсказуемым, а интеллектуальным течением, отразившим быстроту социальных изменений и калейдоскопичность стремительно меняющегося мира, выступил *постмодернизм*. Если для характеристики этапов социокультурного развития Д. Белл предложил различать доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные типы культуры, то в других концепциях возникали собственные термины; например, С. Лэш и С. Крук охарактеризовали типы культуры и общества как

предмодернистские, модернистские и постмодернистские, а Э. Тоффлер ввел понятия «первой волны» (аграрная цивилизация), «второй волны» (индустриальная цивилизация) и «третьей волны» (постиндустриальная цивилизация, информационная культура). Особенности последней выступили социокультурные тенденции перехода от режима централизации к децентрализации, от иерархического устройства – к автономии разных сфер жизни, от концентрации власти в обществе – к ее диффузии, а распыление власти соответственно привело к перемещению манипулятивных стратегий в область коммуникации [19, 20].

Различия в информационной социализации трех типов культур особенно четко прослеживаются Э. Тоффлером. Возникающий новый тип культуры он определил как клип-культуру, показав, что она основана на «клипах» информации – вспыхивающих в сознании фрагментах, которые невозможно уложить в старые категориальные рамки не только потому, что они обрывочны, бессвязны и текучи, но и потому, что готовой картины реальности в «текучей современности» в принципе нет и потребители информации должны сами ее сконструировать. Если философским осмыслением феномена фрагментированного и текучего знания явился постмодернизм, то в концепции Э. Тоффлера переработка информации такого рода получила название «зэппинг» (практика переключения телевизионных каналов посредством пульта, в результате которой в сознании возникает мозаично-случайная картинка). Клип-культура порождает клиповое сознание, в котором нет места рефлексии и воображению, а происходит постоянная «перегрузка». Согласно Э. Тоффлеру, именно преобразования информации лежат в основе изменения выделенных им типов культуры, способов социализации и, соответственно, особенностей ментальности. Так, в традиционном обществе «первой волны» информационно насыщенные сообщения и эмоционально захватывающие образы были редкостью; индустриальная «вторая

¹ «Никакая концептуальная схема никогда не исчерпает социальную реальность. Каждая концепция подобна призме, которая высвечивает одни признаки и затемняет другие, когда мы пытаемся рассмотреть сквозь нее исторические изменения или ответить на какие-то конкретные вопросы» [3; СXLVI]. «Самое прискорбное заблуждение в социальных науках заключается в рассмотрении характера общества через призму одного главного понятия, будь то капитализм или тоталитаризм. Тем самым неверно объясняются сложные (частично перекрывающиеся и даже противоречивые) признаки любого современного общества...<...>. Поскольку любое общество представляет собой смесь различных экономических, технологических, политических и культурных систем (некоторые их черты являются общими для всех, некоторые – историческими и уникальными), его следует анализировать с разных точек зрения, в зависимости от поставленного вопроса» [3; СXLIX].

волна» радикально перестроила жизнь общества, выдвинув средства массовой коммуникации в качестве основного инструмента информационной социализации. Промышленный переворот, конвейерная культура и массовая школа создали «джентльменский набор» стереотипов и образов цивилизованного сознания, манипулируя которыми человек мог построить картину мира. «Эти централизованно разработанные образы, впрыснутые в массовое сознание средствами массовой информации, способствовали стандартизации нужного для индустриальной системы поведения» [19; с. 265]. «Третья волна» радикально изменила и культуру, и процессы социализации, и сознание. «Нас настигает все новая информация, и мы вынуждены постоянно пересматривать картотеку образов. <...> Идеи, верования и отношения, как ракеты, врываются в наше сознание и внезапно исчезают в никуда. Повседневное опровергаются и ниспровергаются научные и психологические теории. Идеологии трещат по швам. Знаменитости порхают, делают пируэты, атакуя наше сознание противоречивыми политическими и моральными образами. <...>. Третья волна не просто ускоряет информационные потоки, она трансформирует глубинную структуру информации, от которой зависят наши ежедневные действия» [19; с. 265–266].

Обрисовав общие социокультурные тенденции, обратимся к более конкретному их преломлению в рамках отдельных концепций. В современной эпистемологии важную роль играет теория интеллектуальных сетей Р. Коллинза, которую можно отнести к перспективным направлениями сетевой методологии в сфере наук о человеке [13]. В своем исследовании Р. Коллинз убедительно продемонстрировал силу и слабость каждой из социологических традиций, в контекстах которых складывались основные учения о социализации. Это традиции «конфликта», «солидарности», «обмена» и «интеракции». Если традиция конфликта (наиболее ярко представленная К. Марксом) занималась макроанализом, а традиция интеракции (Ч. Кули, Дж. Мид) – микроанализом, то традиция Э. Дюркгейма (солидарность) отличалась «широтой взгляда». Анализ различий в социальной структуре представляет собой содержание, до сих пор не устаревшее в подходе Э. Дюркгейма. «Сегодня мы располагаем всеми возможностями для построения теории макроструктуры госу-

дарства, организаций, классов (то, чем до сих пор занималась традиция конфликта) на основе микроанализа взаимодействий лицом к лицу в разного рода ситуациях. Ритуалы взаимодействия создают культуры различных социальных классов. Сети, возникающие из таких повторяющихся ритуальных взаимодействий, составляют реальность более крупных структур. Теория стратификации, главная составляющая на обоих уровнях, связывает все это вместе» [13; с. 248–249]. Оригинальная концепция Р. Коллинза синтезирует микро- и макроуровни анализа, демонстрируя, как современная интерпретация идей Э. Дюркгейма позволяет объединить традиции конфликта, обмена и интеракций в качестве частных случаев единой сети знания. «Мне кажется весьма благоприятным, – пишет Р. Коллинз, – что социологические традиции вышли из своих берегов и смешались друг с другом в разных пропорциях. Прогресс в достижении более фундаментальных истин осуществляется через столкновение идей. В этом процессе можно избавиться от слабостей одного круга идей и интегрировать его сильные стороны с сильными сторонами других традиций» [13; с. 301–302].

Отметим, что *традиция интеракции* простирается сегодня от концепций Ч. Кули и Дж. Мида до концепций И. Гофмана и Г. Гарфинкеля. Именно в ее рамках был предложен ситуативный анализ реальности, рассматривающий жизнь как «текущую и способную к быстрым изменениям». Преодолевая методологию позитивизма, представители названной традиции подчеркивали «важность ситуаций и текучесть социальных отношений» [13; с. 276]. Так, в версии символического интеракционизма Г. Блумера подчеркивалась ценность спонтанности и неопределенности в становлении идентичности современного человека. Особое внимание на характеристики текучести, изменчивости и ситуативности культуры обратили этнометодологи, доказывающие, что опора на натуралистический метод и представление о стабильности внешнего мира, наблюдая который можно предлагать индуктивные обобщения, есть ахиллесова пята эмпирических наук. Основателем *этнометодологии* стал Г. Гарфинкель, утверждавший, что невозможно делать корректные выводы о мире, опираясь лишь на внешние источники, а надо «пойти и посмотреть самому; необходимо включить себя самого в процесс на-

блюдения» [13; с. 281]. Этнометодология, как видно уже из названия, представляла собой синтез этнографии и методологии – сочетание «исследования через наблюдения над чем-то» и «методов, которые люди используют, чтобы придать смысл опыту». Согласно Г. Гарфинкелю, в социальных науках возможны не обобщения, а лишь детальные описания локальных ситуаций. Таким образом, этнометодологи выступают последовательными апологетами ситуативности, полагая, что общих законов нет, а все происходящее творится локально, здесь и сейчас. Они считают реальный мир «неизъяснимым и неприкосновенным», дающим исследователям лишь посредством социальных интерпретаций. Альтернативный подход к изучению текучих социально-психологических реальностей был предложен И. Гофманом, создателем микросоциологии и автором концепции фреймов (рамок), согласно которой мы помещаем исследуемую реальность во множество рамок и производим различные интерпретации. «Мир может находиться в текучем состоянии, но эта текучесть имеет свои пределы» [13; с. 291], потому что мы можем остановить ее в своем сознании и анализировать реальность как застывшую структуру.

Современная социокультурная реальность представлена множеством моделей и подходов. Для нашей темы – информационной социализации – особый интерес представляют концепции *информационного общества* [3, 11, 15, 16, 18, 19, 23]. В анализе информационной культуры изначально сформировались два подхода: информационно-технологический и информационно-культурологический, соответственно, с акцентами на технологию или культуру в качестве движущей силы развития общества. Начиная с 1990-х годов в самых разных познавательных областях стал доминировать культурологический подход, стимулирующий разработку культурно-исторической эпистемологии в качестве основы мультидисциплинарных исследований.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И РАЗНООБРАЗИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТИЛЕЙ

В описании информационного общества, несмотря на концептуальное разнообразие, выделяют ряд ключевых характеристик: ведущая роль информации и информационных технологий в социализации и социокультурном развитии, доступность инфор-

мационных ресурсов самым широким слоям населения; интеллектуальные коммуникативные сети и сетевые сообщества (социальные сети); глобализация информационного пространства, возникновение информационных потребностей и, соответственно, индустрии средств их удовлетворения; коммуникативная рациональность как средство методологической интеграции научного знания. Термин «информационное общество» был введен в употребление профессором Токийского технологического института Ю. Хаяши в 1970-х годах (в его научном отчете «План информационного общества» рассматривалась идея компьютеризации в качестве механизма поднятия производительности и уровня жизни Японии) [1], а в 1990-х годах термин получил широкое распространение. Отечественный философ А. И. Ракитов развивал идеи об информатизации как основном механизме культурогенеза [18]. В ряде других работ обсуждалась связь информационного и гражданского общества в качестве разных проекций феномена постиндустриальной культуры. Таким образом, само по себе информационное общество рассматривалось в большинстве концепций как характеристика или этап развития постиндустриальной культуры. Развернутая концепция информационного общества как «развитого постиндустриального общества» была предложена У. Мартиным, выделившим целый спектр его характеристик, включающий анализ информации в качестве социальной среды и ее роли в конструировании «информационного сознания», значение информационных технологий в процессе образования, роль информации как фактора экономического роста, технологических достижений и механизма достижения политического согласия в обществе, в развитии гражданского сознания, интерпретации информации как культурной ценности [15].

Важную роль в информационном обществе приобретают процессы (тактики и стратегии) коммуникации, понятия коммуникативной компетентности и социального интеллекта. В связи с чем возрастает востребованность социальных и психологических наук. Компьютерная грамотность рассматривается в информационной культуре едва ли не наравне с филологической грамотностью. Информатизация и компьютеризация играют ведущую роль как в процессе образования, так и социализации в целом. Доступность информационных

ресурсов увеличивает качество жизни, как в сфере профессиональной деятельности, так и свободного времяпрепровождения (досуга) [1, 14]. Однако становление информационного общества влечет за собой и следующие риски: увеличение вариативности и разнообразия, движение от порядка к хаосу, от монизма к плюрализму и либерализму, стресс неопределенности и неустойчивость культуры (что отразилось в появлении таких понятий и метафор, как «текущая современность» и «ускользающий мир» [2, 4]). Информационная перенасыщенность и фрагментированность знания, возрастающая сложность социальной реальности, увеличение в мире процессов неустойчивости и дифференциации, риски возникновения бифуркаций ведут к феноменам нестабильной или плавающей идентичности, что на эмпирическом уровне проявляется в противоречивости социальных представлений. Некоторые авторы связывают феномены терроризма и сепаратизма также с явлением глобализации [21].

Среди концепций информационного общества следует отметить концепции Дж. Нейсбита и Й. Масуда [23], а также технологическую концепцию М. Маклюэна [16], который связывает смену исторических эпох с изменениями каналов коммуникации. Письменная коммуникация (сначала фонетическая, потом печатная) вытеснила акустическую, тем самым породив феномены социального отчуждения и связав пространство и время в единое целое. Важной особенностью информационной культуры становится электронный способ коммуникации, создающий социальную сопричастность и превращающий весь мир в «глобальную деревню». В целом аудиовизуальная эпоха, согласно М. Маклюэну, отличается более гармоничной социализацией, поскольку, с одной стороны, в равной мере задействует визуальные и вербальные регистры, а с другой – делает каждого человека эмоционально приближенным к событиям в любой точке Земного шара. Однако электронный способ коммуникации связан с тем, что картина мира здесь опосредована осуществляющими отбор и интерпретацию событий СМИ, которые могут создавать и ложные культурно-информационные реальности, что в свою очередь порождает риски манипуляции индивидуальным и коллективным сознанием, навязывания определенных установок восприятия. Другой особенностью

электронной эпохи становится ее эклектичность и поиски особых средств увязывания (bootstrap) фрагментированной информации в непротиворечивую картину.

Информационная культура отличается не только повышенной «когнитивной сложностью» (Дж. Келли). В информационной культуре экзистенциальная сложность повседневной жизни (когда человек пребывает не в одном мире, а в разнообразии миров, требующих от него «множественной идентичности») становится предметом рефлексии. М. Маклюэн отмечает в «глобальной деревне» прозрачность культурных и государственных границ, «вавилонское» смешение разных дискурсов (способов рассуждения). Он вводит термин «имплюзия коммуникации» для обозначения особой культурно-психологической реальности, в которой происходит сжатие в единый смысловой конструкт времени, пространства и информации. В целом же разработчики информационных подходов критикуют постиндустриальные концепции культуры за присущие им универсализм и макроанализ, тогда как в современной эпистемологической ситуации возрастает роль уникальности и микроанализа [7, 17].

В этом контексте важно отметить, что особенностью постиндустриальной (информационной) культуры становится *разнообразие стилей* жизни. «Новое общественное устройство характеризуется невиданным усложнением социальной организации, интенсификацией культурных связей и обменов, ростом культурного многообразия, отходом от господствующей в эпоху массового индустриального общества унификации и стандартизации и формированием человека, обладающего критическим сознанием и стремлением реализовать свой творческий потенциал. Своеобразие этого периода составляет верховенство индивидуального начала над всеобщим, психологии над идеологией, связи над политизацией, многообразия над одинаковостью, разрешительного над принудительным» [14]. Ч. Хэнди выделяет три психологических типа людей, строящих жизненные стратегии в логиках «выживания», «достижения» и «самовыражения». Каждому типу соответствует свой тип культуры – доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Выделенные культурно-психологические типы представлены в любой эпохе, однако отличаются процентным распределе-

нием в ней. Жизненные цели первого типа связаны с экономическим благополучием и социальной безопасностью, ценностями клановости и традиционализма. Второй тип характеризуется экстравертированностью, ориентацией на материальные и внешние ценности. Третий тип представляют люди интровертированные, независимые, ориентированные на саморазвитие, самореализацию и выстраивающие собственный жизненный стиль. Успех связан для них не с материальным благополучием и не с социальным статусом, а с качеством жизни, предполагающим определенный диапазон индивидуальной свободы [22]. «Ориентация на внутренние факторы развития личности не означает низкого уровня социального взаимодействия. Напротив, именно такие люди станут социальной базой информационного общества, характеризующегося, прежде всего, значительной социальной сплоченностью и высокой степенью доверия» [14].

Результатом социализации в информационной культуре становится «метакультурная индивидуальность», а качество социализации определяется доступом к информации и способностью ее адекватно переработать. В информационной культуре возникают особые культурные средства, например, так называемые *файлообменники*, позволяющие распространить достижения элитарной культуры в массы. «Однако специфическим качеством самой информации (в отличие от знания) является ее избыточность и фрагментарность. <...>. Человек, вынужденный постоянно осуществлять переходы из одной информационной системы в другую, находится под угрозой дезориентации – причем как чисто физической, так и ментальной» [14]. Все это создает особые поля деятельности не только для аналитиков информационной культуры, но и для практических психологов, педагогов и психотерапевтов.

Анализ информационной культуры – в ее разном понимании, разных концепциях, подходах – имеет важные методологические последствия для педагогики и психологии, стимулируя необходимость коммуникации с науками антропологического круга (историей, культурологией, этнографией, литературоведением и т. п.). Актуальность междисциплинарного сотрудничества вызвана здесь тем фактом, что педагогические и социально-психологические концепции, создававшиеся на определенном социокультурном материале (в частности, индустриальной культуры), в постиндустриальном контексте

могут стремительно устаревать и нуждаться в определенной локальной культурно-исторической коррекции. Поведение людей не только меняется от эпохи к эпохе, но в реальности «текучей современности» и «ускользающего мира» становится особенно когнитивно сложным и непредсказуемым, что в свою очередь требует разработки новых методов исследования и методологических подходов. Ведь спецификой информационной социализации является не столько собственно феномен социализации, основательно изученный в пределах педагогики и психологии, сколько изменяющийся культурный контекст. А это требует активного преодоления междисциплинарных границ, анализа как самой жизненной реальности, так и методологических поворотов, совершающихся за пределами психологии (в контексте ли гуманитарного знания или естественных наук).

Мир, объединенный компьютерными сетями, делает неизбежными процессы глобализации и принятие всех судьбоносных решений на основе диалога и солидарности. Однако одним из вызовов глобализации становится дилемма планетарного сознания и вариативных путей социализации, разнообразия стилей жизни, уникальности идентичности. Ответом на этот вызов становятся поиски как новых форм социальной организации, так и оригинальных методологических решений: например, иерархическое устройство сменяется ассоциативным, а на смену системной логике приходит сетевая. Глобализация – это не только социальный, но и когнитивный процесс, требующий перестройки традиционного стиля исследований.

Если культурологические подходы уделяют большее внимание изменяющемуся культурно-историческому контексту, то технологические обращаются к анализу средств информационной социализации, прослеживая изменения «от электромотора – к микропроцессору». Однако Д. Беллу удалось пройти между Сциллой и Харибдой и осуществить культурно-психологический анализ реальности «технология». Он выделил особые трансформирующие технологии (телефон, компьютер), позволившие изменять способы общения между людьми. Так, телефон как культурное средство позволил преодолеть разрывы пространства и времени, сделав общение более непосредственным, а кинематограф выступил в роли общекультурной социализирующей основы, предложив множеству людей просматривать одни и те же фильмы. «Впервые в истории

телевидение создало то, что греки некогда называли ойкуменой, – единое сообщество» [3; СХХI]. Сотовые телефоны и сетевые компьютеры выступили культурно-технологическими средствами глобализации. Однако если индустриальное структурирование пространства и времени предоставило человеку возможности контроля над ними, то «в информационном обществе основной проблемой становится управление временем» [3; СХХХV]. Более того, ускоряющиеся темпы социальных изменений приводят к тому, что между жизненными мирами в пределах одного поколения возникает огромная культурно-психологическая дистанция. «Сегодня ребенок не только обречен на радикальный разрыв с прошлым; он должен готовить себя к неизвестному будущему» [3; с. 230]. Последнее же делает тему информационной социализации особенно актуальной.

Э. Тоффлер рассматривает видеоигры как форму социального обучения, как тренировку, подготавливающую «к жизни в электронном мире». К техносфере (возникшей вместе с индустриальной культурой) в постиндустриальном мире добавляется особая социализирующая среда – *инфосфера*. Если индустриальная культура производила «массовое сознание», то постиндустриальная способствует демассификации и индивидуализации. Важную роль в информационной социализации подрастающего поколения играет *интерактивность* (интерактивное радио, интерактивное телевидение, интерактивное образование, интерактивные игры). «Революция средств коммуникации дает каждому из нас более сложный образ себя. Она делает нас еще более непохожими друг на друга» [19; с. 615-616]. Общество стремится в сторону разнообразия, а новые информационные технологии только ускоряют этот процесс. «Должны развиваться яркие личности, необходимо со-

здавать многообразные стили жизни» [19; с. 415]. Однако компьютер Э. Тоффлер рассматривает также в качестве средства синтеза разрозненной информации.

Психологи и социологи мало внимания уделяют изменившемуся темпу жизни. «Эта несостоятельность наук, изучающих поведение человека, удивительна, ибо темп жизни глубоко влияет на поведение, вызывая сильные и противоречивые реакции у разных людей» [20; с. 50]. Психологическим последствием компьютеризации технологических процессов становится «изменение значимости пунктуальности в нашей жизни», переход от пунктуальности как стиля социальной жизни к «селективной или ситуационной пунктуальности» [19; с. 411]. Важную роль в процессе информационной социализации играет понимание новых культурных реальностей, например, «текучести современности». Человек «должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья или профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения» [20; с. 48]. «Прогнившее массовое образование, законно испытавшее критику, не осознало, что демассификация общества требует новой образовательной стратегии» [19; с. 416].

В сфере методологии ведутся поиски новых способов анализа неопределенности, непредсказуемости, развития уникальных ситуаций [7]². Обозначенные тенденции требуют разработки методологии многомерности, которая, раскладывая исследуемую реальность по разным основаниям, одновременно позволяет работать с индивидуальными различиями и своеобразием.

ПЕРСПЕКТИВЫ СЕТЕВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Анализ современной познавательной ситуации показывает, что различные дисциплинарные области на рубеже XX–XXI ве-

²В методологическом подходе Д. Белла возник новый вид концептуального анализа – выделение осевых принципов и сетевых структур, формирующих оснований. Есть три традиции социального прогнозирования: «экстраполяция общественных тенденций, идентификация исторических «ключей», приводящих в действие новые рычаги социальных перемен, и оценка возможных изменений основных рамок общественных процессов» [3; с. 8]. Однако эффективный прогноз требует выявления корректного маркера. Так, книга А. Токвиля «Демократия в Америке» (1835) актуальна и пару столетий спустя, потому что автор выделил долгоиграющую в исторической перспективе тенденцию социальных изменений – стремление к равенству. Аналогичным образом М. Вебер выявил тенденцию рационализации жизни, которая легла в основу типа бюрократической организации. «Концептуальные постулаты являются логическим порядком, налагаемым на порядок фактический» [3; с. 13]. Отличительной особенностью современной познавательной ситуации становится рефлексивная сложность и жизненное (феноменальное) разнообразие, когда к одной реальности возможно применить разные логические порядки и структурировать ее под углом того или иного осевого принципа (будь то централизация, равенство, рациональность, способ производства и т. п.). Так, Д. Белл призывает не зацикливаться на едином принципе, а искать «подвижные оси, вдоль которых могут существовать различия» [3; с. 15].

ков методологически эволюционировали к *культурно-историческому дискурсу*, тем не менее вкладывая в это понятие, как и в свое понимание культуры, самые разные смыслы. Это создает один параметр исследовательской реальности: возрастающую роль категории культуры как в психологических, так и в междисциплинарных подходах. В целом же на арене эпистемологических обсуждений встречаются четыре аналитических категории: культура, глобализация, индивидуализация, сеть (сетевая логика анализа).

Тенденция индивидуализации, представляющая в оболочках разных терминов (демассификация, дифференциация, вариативность, персонализация), выступает вторым важным параметром эпистемологического анализа современной ситуации. Эта тенденция находит отражение как в глобальных философских и социологических концепциях, так и в отдельных эмпирических исследованиях, отмечающих, например, отсутствие культурных героев (образцов социализации) и стремление российского индивидуума начала XXI века «быть похожим на самого себя»³. Переход от централизованного телевидения к кабельному, возникновение множества радиостанций, имеющих собственного слушателя, превращение массовых изданий в малотиражные отражает общую тенденцию персонализации и дифференциации информационной аудитории. На методологическом уровне тенденция к индивидуализации проявилась в разных сферах научного знания: в истории – как изучение повседневной жизни и проекты микроистории (*histoire de la quotidienne, case history, microhistory*), в психологии – *case study* и нарративные подходы, в социологии – разработка понимающей социологии, этнометодологии, микроанализа и концепций жизненных миров (от А. Шюца до Г. Гарфинкеля), в синергетике – интерес к диссипативным структурам, бифуркации, микровоздействиям, провоцирующим глобальные последствия и т. д.

Третий параметр – глобализация, которая представлена самыми разными концепциями (от Ю. Хабермаса до Э. Гидденса). Общим здесь при всем различии концепций

являются идеи о взаимосвязи всего мира, в том числе и посредством информационной социализации. Отдельным планом анализа идут информационные технологии, представленные, как правило, в ракурсе техно-центристских подходов (включая концепцию технотронного общества З. Бжезинского).

Нить Ариадны, на которую нанизываются разрозненные бусины множества исследований, представлена *сетевой методологией*, существующей также в разнообразии эпистемологических упаковок (от строго когнитивных до либерально-гуманитарных). Именно сетевая методология на сегодняшний день позволяет связать различные ракурсы анализа и уровни феноменологических реальностей. Общим в сетевых подходах являются положения об антииерархичности, нелинейности, открытости культурно-психологической реальности, спонтанности, текучести, проницаемости границ, ситуативности активного центра, семантическом и аксиологическом плюрализме (подробнее см. [10, 11, 14]). Сетевая методология, спроецированная в сферу анализа современной культуры, позволяет объяснить отсутствие в ней культурных героев и традиционных образцов для социализации. «В новой ситуации границы между центром и периферией становятся проницаемыми, размытыми, а такие основополагающие для культуры модернизма понятия, как «культурное ядро» и «культурная матрица», теряют свой первоначальный смысл. Классическая культура структурировалась вокруг непрерывного поиска «единого», «бытия», «первоосновы», постклассическая же демонстрирует отсутствие генетической оси как глубинной структуры и изначально предполагает гетерогенность, антигенеалогичность, темпоральную изменчивость. Ведущим стал принцип множественности, уравнивания – семантического и аксиологического – всех входящих в культуру компонентов (мировоззрений, мироощущений, позиций), которое проецируется и на искусство, и на науку, и на политику, и философию. Само же понятие истины как принципа соответствия знания объективному состоянию мира ока-

³Требуется более тщательное изучение связи между средствами коммуникации и изменениями психики. «Демассификация средств массовой информации в наши дни дает поразительное разнообразие ролевых моделей и стилей жизни, с которыми можно сравнить свою жизнь. Более того, новые средства массовой информации кормят нас не целыми, а раскрошившимися чипсами образов. Они не предлагают нам несколько понятных видов идентичности для выбора, нужно сложить ее из кусочков: конфигуративное или модульное «я». Это гораздо труднее, и это объясняет, почему многие миллионы людей отчаянно ищут идентичность. Эти усилия приводят нас к повышенному осознанию собственной индивидуальности – тех черт, которые делают нас неповторимыми» [3; с. 614].

зывается размытым и несвоевременным, неактуальным. <...> В информационном обществе на смену принципам системности, детерминизма и объективности как принципам кодирования информации, обусловленным характером письменного текста с его линейной логикой и причинно-следственными связями, приходят антииерархичность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм» [14]. Таким образом, организация культурного пространства не по традиционной централизованной (горизонтально-вертикальной, «древесной») модели, а согласно «ризоматическому» принципу структурирования реальности (Ж. Делез, Ф. Гваттари) влечет за собой существенные изменения в сфере социализации, в том числе и смещение культурных героев и образцов для подражания на уровень малых сообществ и субкультур. Если идентичность человека индустриальной культуры складывалась не только в отождествлении со своим городом или деревней, но и со страной в целом, то человек эпохи глобализации, с одной стороны, имеет все шансы реально почувствовать себя «гражданином мира», а с другой – ищет культурные образцы в пределах не макросреды, а микросреды. Феноменология и глобализации, и индивидуализации дает адекватную картину реальности, когда рассматривается не сама по себе, а во взаимосвязях общей категориальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество, 1999. № 1. С. 30–35. <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>
2. Бауман З. Текущая современность. СПб: Питер, 2008. – 240 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. – 956 с.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структурирования. М.: Академический проект, 2005.
6. Гусельцева М. С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
7. Гусельцева М. С. Психология и история: от макроанализа – к микроанализу [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 2 (9). URL: <http://psystudy.ru/>
8. Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
9. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010.
10. Зеленкова Т. В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18–28.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
12. Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
13. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. СПб.: Территория будущего, 2009. – 317 с.
14. Костина А. В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Information_Society/
15. Мартин У. Дж. Информационное общество (Реферат) // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартильный / АН СССР. ИНИОН; редкол.: Виноградов В. А. (гл. ред.) и др. М., 1990. № 3. С. 115–123.
16. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
17. Плахов В. Д. Западная социология XIX–XX вв. От классики до постнеклассической науки: Эпистемологическое обозрение. СПб.: Алетейя, 2006.
18. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации, и культуры: пример России // Вопросы философии, 1994, № 4. С. 14–34.
19. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
20. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2003.
21. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002.
22. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. N.Y.: Princeton Univ. Press, 1990.
23. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Soc., 1983, 419 p.